

A close-up photograph of a person's hands as they tie a dark-colored shoelace. The person is wearing a clear plastic medical wristband on their left wrist, which has some illegible text on it. A clear plastic IV drip chamber is attached to a tube on their left wrist. On their right wrist, there are several black rubber bands. The background is dark and out of focus.

Максим Мельник

Смертельные шнурки

18+

Максим Мельник

Смертельные шнурки

<https://litres.ru/74114744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Май 2012 года, Сургут. Мне 22 года.

Пока я строил амбициозные планы на будущее, внутри меня уже полгода тикала бомба с часовым механизмом.

Это документальная хроника пары месяцев, которые навсегда перекроили мою жизнь.

Хроника яростной войны со смертью, адского наркоза, заживо зашитого тела, удушья на операционном столе и лобового столкновения с равнодушной медицинской машиной.

Перед вами — честная, жесткая и неприкрытая история выживания вопреки всем прогнозам врачей.

О том, как израненный, гниющий изнутри парень выкарабкался благодаря стальной силе воли, любви близких и трансформировался в настоящую машину из стали.

Книга написана на основе реальных событий.

Свободное копирование и распространение файла горячо приветствуются авторским манифестом.

Максим Мельник

Смертельные шнурки

«СМЕРТЕЛЬНЫЕ ШНУРКИ»

Глава 1. Солнце, голод и скрытая угроза

Бывают дни, когда окружающий мир кажется абсолютно безопасным. Май в Сургуте в тот год выдался удивительным. После долгой, темной и морозной северной зимы город наконец-то ожил. Небо было пронзительно-синим, без единого облачка, а солнце грело так ласково и сильно, будто наступило настоящее лето. Воздух на улице был теплым, свежим, наполненным ароматами распускающихся почек и талого снега. Это был один из тех чудесных весенних дней, когда человек чувствует себя бесконечно счастливым, строит планы на будущее и твердо верит, что впереди его ждет только хорошее.

В свои двадцать два года я, чувствовал себя абсолютно непобедимым. Я был молодым, крепким, рослым парнем. При росте в сто семьдесят сантиметров мой вес составлял ровно сто килограммов — чистые мышцы, тяжелая кость и вагон здоровья. Я много работал, хорошо зарабатывал и гордился тем, что мне всё по плечу. Молодость часто дарит лож-

ное чувство бессмертия: кажется, что твой организм — это вечный двигатель, который никогда не даст сбой. Если где-то внутри что-то потягивает или поднывает, ты просто не обращаешь на это внимания. Ну болит и болит, у кого сейчас ничего не болит? Нужно идти вперед, нужно вкалывать, обеспечивать семью, а ходить по врачам и жаловаться — это удел слабых. Так думал я тогда. И это была моя самая большая, почти роковая ошибка.

На самом деле к тому майскому утру я уже полгода носил внутри себя бомбу с часовым механизмом. Мой аппендикс — крошечный отросток кишечника — медленно, неделя за неделей, воспалялся и гнил. Обычный человек сдался бы от такой боли через пару дней, но мой организм обладал колоссальным запасом прочности. Я просто приучил себя не замечать этот постоянный, нудный дискомфорт в правом боку. Мозг блокировал сигналы бедствия, а воспаление тем временем уходило всё глубже, превращая живую ткань в очаг инфекции. Я договаривался со своим телом: «Потерпи, некогда отвлекаться, сейчас не время болеть». И тело слушалось, расходуя свои внутренние ресурсы до последнего грамма.

В то чудесное солнечное утро я проснулся с чувством дикого, просто зверского голода. Организм требовал подзарядки после тяжелой трудовой недели. На кухне уже хлопотала моя любимая жена, Валентина. В доме пахло уютом, домашним теплом и едой. Я решил устроить себе по-настоящему плотный, обильный обед. Налил большую кастрюлю,

сварил огромную гору макарон — не меньше половины килограмма. Когда они были готовы, я щедро, от души сдобрил их сливочным маслом, положил на тарелку сочную, толстую сардельку и достал из холодильника целый литровый пакет холодного молока.

Я ел с огромным аппетитом, большими порциями, поглощая макароны одну за другой и запивая их молоком прямо из пакета. Это был привычный для меня, крупного и сильного мужчины, объем пищи. Я наслаждался каждым моментом этого мирного дня, совершенно не подозревая, что этот плотный обед прямо сейчас подписывает мне смертный приговор.

Медицина знает: при остром воспалении в брюшной полости любые органы пищеварения начинают работать со сбоями. Мой аппендикс к тому моменту уже не просто воспалился — он превратился в туго натянутый, истончившийся мешок, заполненный гноем и бактериями. Ткани отростка были мертвы, они держались на честном слове. Огромная, тяжелая масса макарон, залитая литром молока, упала в желудок и легла туда неподъемным камнем. Кишечник, парализованный скрытым воспалением, просто не смог протолкнуть эту пищу дальше. Внутри живота мгновенно выросло колоссальное механическое давление. Еда встала колом, и этот тяжелый застой стал последним, фатальным толчком. Мешок внутри меня не выдержал давления. Он разорвался.

Разрыв аппендикса происходит тихо, без звука, но в этот

момент жизнь человека разделяется на «до» и «после». Всё ядовитое содержимое — гной, миллиарды агрессивных бактерий и продукты распада — хлынуло наружу, прямо в стерильную, чистую брюшную полость. Начался разлитой перитонит. Это страшное состояние, когда инфекция не сидит в одном месте, а лавиной растекается по всему животу, начиная заживо плавить и обжигать внутренние органы.

Примерно через час после еды мне стало резко плохо. Боль, к которой я привык за полгода, вдруг изменила свой характер. Она перестала быть тупой и фоновой. Она ударила изнутри с такой страшной, ослепляющей силой, что у меня перехватило дыхание. Это было похоже на то, как будто в живот вонзили раскаленный штырь и медленно проворачивают его по часовой стрелке. Лоб мгновенно покрылся ледяным потом.

Пытаясь спастись от этой нарастающей волны мучения, я принял самое глупое решение, которое только мог. Я подумал, что, если наберу прохладную ванну и лягу в воду, тело окажется в невесомости, мышцы расслабятся, и меня отпустит. Тогда я еще не знал, что при любых острых процессах в животе тепло или погружение в воду — это смертельно опасно.

Я набрал ванну, разделся и тяжело опустился в воду. Прохлада на несколько секунд принесла обманчивое облегчение, но внутри организма запустился страшный процесс. Вода заставила кровь циркулировать быстрее, а воспаленные, обо-

жженные гноем органы внутри живота начали нагреваться. Инфекция, получив этот мощный стимул, начала размножаться со скоростью света. Вместо спасения ванна превратилась в катализатор катастрофы. Я буквально «сварил» свой собственный перитонит, ускорив заражение крови.

В воде я провел около часа. Боль не утихала, она становилась монолитной, тяжелой, парализующей. Когда я понял, что лучше не становится, и решил выйти, я с ужасом осознал, что мое тело меня больше не слушается. Руки и ноги стали ватными, голова кружилась, а перед глазамиплыли темные круги. Кое-как, цепляясь за края, я вывалился из ванны прямо на холодный кафельный пол.

С меня лил град пота. Это был не обычный пот, а липкая, холодная влага, которая выступает, когда организм начинает сдаваться под натиском сильнейшего отравления. Внутри меня бушевал настоящий пожар — температура тела мгновенно подскочила выше сорока градусов. Это был сильный септический шок. Токсины из разорванного отростка хлынули в кровь, отравляя мозг и сердце. Мой стальной иммунитет, который годами защищал меня, рухнул в одну секунду. Я лежал на полу в гостиной, корчась от невыносимых судорог, и не мог даже подтянуть колени к груди — любое мизерное движение отзывалось такой дикой болью, что я едва не терял сознание.

В комнату зашла Валентина. Когда она увидела меня — своего огромного, сильного, всегда уверенного в себе мужа

— лежащим на полу, бледным как полотно и мокрым от пота, она побелела от ужаса. Её лицо вмиг стало бледнее обоев на стене. Она вскрикнула, закрыв рот руками, и тут же бросилась в комнату за телефоном.

— Максим! Максим, что с тобой?! Я вызываю скорую! «Срочно!» —говорила она, и в её голосе была такая неприкрытая паника, от которой мне стало по-настоящему страшно.

— Не надо..., не вызывай... — хрипел я, всё еще пытаюсь включить своего привычного «крепкого мужика». — Сейчас... сейчас всё пройдет. Я просто отлежусь на полу. Само пройдет...

Но ничего уже не могло пройти. Мой разум уже начал мутиться от сорокаградусной жары и токсинов. Я лежал на полу, смотрел, как сквозь маленькое окошко ванной комнаты пробивается яркий, веселый майский солнечный луч, и впервые в жизни отчетливо понимал: мне хана: этот чудесный, солнечный весенний день станет последним днем в моей жизни.

Глава 2. Мигалки, которые молчали, и озоновый плен

Время ожидания скорой помощи тянулось бесконечно, превращая каждую минуту в отдельный круг ада. Я продолжал лежать на холодном полу гостиной комнаты, и этот кон-

траст между ледяным полом и пылающим сорокаградусным пожаром внутри моего тела становился невыносимым. Мой мозг, отравленный токсинами, работал какими-то вспышками. Я слышал, как Валентина плачет в коридоре, как её дрожащий голос умоляет диспетчера поторопиться, слышал далекий гул сургутских улиц за окном. В тот момент я впервые осознал, насколько хрупка человеческая жизнь, даже если ты вешишь сотню килограммов и считаешь себя железным.

Через двадцать минут в дверь наконец позвонили. В квартиру вошли медики. В детстве каждый из нас верит в сказку: когда тебе плохо, приедут спасатели в белых халатах, добрые и чуткие, которые моментально возьмут твою боль на себя. Но реальность нашей медицинской системы разбивает эти иллюзии в прах. В комнату зашли усталые, равнодушные люди. На их лицах не было ни капли сочувствия или профессиональной собранности. Вместо этого в их взглядах читалось глухое, неприкрытое недовольство. Они смотрели на меня — огромного парня, корчащегося на полу в луже собственного пота, — как на тяжелую, досадную обузу, которая нарушила их спокойное дежурство в этот прекрасный майский день. С первых же секунд от них веяло высокомерием, словно в квартиру вошли не фельдшеры, а неприкасаемые цари, которым все вокруг чем-то обязаны. Никакого уважения к больному, никакой деликатности.

— Ну и чего мы лежим? — сухо бросил один из них, даже не наклонившись ко мне. — Вставай давай. Сам до машины

дойдешь, или нам на себе твои сто килограммов тащить?

Этот тон ударил по самолюбию сильнее, чем физическая боль. Превозмогая страшную, режущую судорогу в животе, я кое-как поднялся, цепляясь за дверной косяк. Ноги подкашивались, в глазах темнело, каждый шаг давался ценой колоссальных усилий. Кое-как меня довели и уложили на жесткую кушетку в салоне старой «Газели». Валя села рядом, крепко сжав мою мокрую руку. Двери захлопнулись, машина тронулась, и я приготовился к тому, что сейчас начнется полет. В моей голове сидел четкий сценарий: машина экстренной помощи должна включить сирену, зажечь синие проблесковые маячки и с ревом нестись сквозь город, потому что внутри находится человек в критическом состоянии.

Но сирена молчала. Машина скорой помощи спокойно и неторопливо влилась в плотный поток сургутских улиц. Майское солнце заливало проспекты, город стоял в вязких, бесконечных пробках, а мы двигались в общем ряду, как обычный маршрутный автобус. Мы подолгу стояли на каждом светофоре, ждали зеленого света, дергались в заторах. Фельдшеры на переднем сиденье лениво переговаривались о каких-то своих бытовых делах, смеялись, совершенно забыв о том, что происходит сзади.

— Почему... почему мигалки не включаете? — прохрипел я, с трудом выдавливая слова сквозь сухие, потрескавшиеся губы. — Мне же совсем хана...

Медик на секунду повернул ко мне голову, посмотрел хо-

лодным, безучастным взглядом и ничего не ответил. Подумаешь, живот болит. Обычное дело. В тот момент моя детская мечта о спасительных мигалках окончательно разбилась о суровую реальность. Я понял, что в этой машине моя жизнь не стоит ровным счетом ничего. Мы плелись по пробкам, теряя драгоценные минуты, пока разорванный гнойник внутри моего живота продолжал заливать брюшину ядом.

Вместо хирургического отделения меня привезли в инфекционную передержку. Врачи скорой решили «перестраховаться»: раз у пациента высокая температура и рвота, значит, это может быть опасная заразная инфекция. То, что у молодого парня классический «острый живот», их не волновало — протокол был важнее человеческой жизни.

Как только открылись тяжелые двери инфекционного отделения, мне в нос ударил резкий, специфический запах. Это был не запах привычной больничной хлорки, а густой, концентрированный запах озона. Он буквально стоял в воздухе, въедался в одежду, забивал легкие. Этот стерильно-электрический аромат, который обычно ассоциируется со свежестью после грозы, здесь, в этих серых стенах, стал запахом настоящего плена.

Меня завели в изолированный бокс и оставили на кушетке. К тому моменту я не ходил в туалет уже несколько часов. Переполненный мочевой пузырь давил на воспаленные, горящие кишки, создавая невыносимую, разрывающую боль.

— Пожалуйста... мне нужно в туалет... — выдохнул я мед-

сестре, которая зашла взять кровь.

— Не положено, — отрезала она холодным, механическим голосом. — Сиди здесь. Никаких туалетов, пока анализы не будут готовы. И пить тебе нельзя. Жди.

Она развернулась и ушла, заперев за собой дверь. Я остался один на один с этим удушливым запахом озона и нарастающей агонией. Было около двух часов дня. Два бесконечных, страшных часа я провел в этом боксе. Я слышал, как за стеной звенят пробирки, как врачи неторопливо обсуждают результаты лаборатории. Они искали во мне какую-то страшную экзотическую инфекцию, сальмонеллез или дизентерию, пока обычный разлитой перитонит ежеминутно уничтожал мои внутренние органы.

Жажда была такой, что язык прилип к нёбу, а мочевой пузырь, казалось, вот-вот лопнет прямо внутри. Но система была неумолима: человек без бумажки из лаборатории для них не существовал. Мой отец, Валентин Николаевич, сам будучи уважаемым врачом-педиатром, позже был в настоящем шоке от этого абсурда. Для системы мы были просто статистическими единицами.

Наконец, спустя два часа, дверь бокса открылась. Медсестра бросила на стол листок:

— Инфекция не подтвердилась. Чист.

Врачи отделения еще какое-то время лениво сидели и думали, куда же меня теперь девать. Наконец приняли реше-

ние: «Везите в СОКБ, это хирургический случай».

Меня снова погрузили в ту же самую машину скорой помощи. И снова начался тот же кошмар: Сургут, залитый ласковым майским солнцем, плотные дорожные пробки, молчащая сирена и полное равнодушие бригады. К пяти часам вечера, когда колеса скорой наконец зашуршали по асфальту у приемного покоя окружной больницы, с момента разрыва аппендикса прошло уже более пяти часов. Я был полностью изможден, мокрый до нитки от холодного пота, и уже плохо соображал, где нахожусь, балансируя на грани глубокого обморока.

Глава 3. Приемный покой: Бюрократия на грани жизни

Сургутская окружная клиническая больница встретила меня оглушительным, монотонным шумом, который после относительной тишины закрытого бокса инфекционной показался мне настоящим ударом по наковальне. Было около пяти часов вечера. Солнце, которое днем так ласково и весело заливало улицы Сургута, теперь начало свой медленный, зловещий спуск к горизонту. Его лучи пробивались сквозь огромные, покрытые слоем городской пыли окна приемного покоя, окрашивая облупившиеся стены и кафельный пол в тревожные, багрово-оранжевые тона. Этот свет казался ненастоящим, театральным, словно декорация к какому-то

страшному спектаклю, где мне волею судеб досталась главная роль.

В приемном отделении СОКБ всегда кипит своя, скрытая от посторонних глаз, конвейерная жизнь. Здесь время словно застыло и превратилось в густой, вязкий кисель. Повсюду раздавалось монотонное шарканье больничных тапочек, приглушенный, похожий на пчелиный рой гул десятков голосов, резкий звон металлических инструментов, которые швыряли в лотки, и этот стойкий, въедливый запах, который ни с чем перепутать невозможно. Это был сложный, удушливый коктейль из запахов едкого медицинского спирта, застиранного до дыр постельного белья, дешевой хлорки и затаившегося, липкого человеческого страха. Этот запах въедался под кожу, он кричал о том, что здесь люди сталкиваются со своими худшими кошмарами.

Я больше не мог стоять на ногах. Мое крупное, тяжелое тело, которое всегда было моей гордостью, моей силой и опорой на работе, теперь превратилось в неподъемный, чужой груз, который тянул меня к земле. Каждая секунда вертикального положения отзывалась такой невыносимой, режущей судорогой в правой части живота, что из груди вырывался лишь глухой, животный хрип. Мышцы пресса были настолько напряжены от скопившегося внутри гноя, что живот стал твердым, как каменная плита. В медицине это называют «доскообразным животом» — первый и самый верный признак того, что внутри человека идет тотальное разрушение.

— Садись сюда, не задерживай очередь, — коротко, без тени эмоций бросил подошедший санитар в помятом голубом халате. Он с грохотом подкатил ко мне старое, с облупившейся краской инвалидное кресло-каталку.

Я буквально рухнул в него, как подкошенный мешок с песком. Колеса жалобно скрипнули под моими ста килограммами. В этот момент во мне окончательно надломилось что-то очень важное. Я, мужик, который привык сам контролировать каждую деталь своей жизни, принимать жесткие решения и отвечать за безопасность на сложных участках, вдруг превратился в абсолютно беспомощный объект. Моя судьба, моя жизнь, мое дыхание больше не принадлежали мне. Теперь я был полностью, целиком во власти этих равнодушных людей в белых халатах, которые двигались вокруг меня с неторопливой, почти сонной уверенностью, словно перед ними был не умирающий человек, а сломанная деталь на конвейерной ленте.

Начался долгий, изматывающий бюрократический кошмар, который в нашей стране является обязательным ритуалом перед любым спасением. В нашей медицинской системе существует нерушимое, жестокое и абсурдное правило: даже если человек находится в полуобморочном состоянии, даже если с него льет градом ледяной пот, и он балансирует на самой грани между жизнью и смертью, система в первую очередь требует от него идеально заполненных бумаг. Без этих листков, без подписей и штампов ты для них не существу-

ешь. Ты не пациент, ты просто помеха в коридоре.

Инвалидное кресло подкатили к высокой пластиковой стойке регистрации, за которой сидела женщина с усталым, безразличным лицом. Она даже не подняла на меня глаз, её пальцы привычно и быстро стучали по клавишам старого компьютера.

— Фамилия, имя, отчество? — монотонно, механическим голосом, который въедался в остатки моего сознания, начала наговаривать она. — Дата рождения? Серия и номер полиса обязательного медицинского страхования? Паспортные данные? Где официально трудоустроены? Кем работаете? Адрес фактического проживания?

Я открыл рот, попытался ответить, но мои губы окончательно пересохли и превратились в жесткую, потрескавшуюся корку, которая при малейшем движении лопалась, выпуская капли солоноватой крови. Голос пропал, превратившись в неразличимый, сухой шелест. Дикая, иссушающая жажда терзала меня изнутри — казалось, что внутри моего горла и пищевода всё выжжено дотла. Каждое слово давалось ценой колоссальных усилий. Но еще сильнее, страшнее и мучительнее было острое желание по-маленькому в туалет.

Мой мочевой пузырь, который не опорожнялся с двенадцати часов дня, к этому моменту раздулся до невероятных, критических размеров. Внутри него скопилось огромное количество жидкости, ведь во время транспортировки и в боксах инфекционного отделения мне не разрешали сде-

лать ни глотка, а организм продолжал фильтровать токсины. Мочевой пузырь превратился в плотный, готовый разорваться каменный шар. Из-за сильнейшего воспаления в брюшной полости все нервные окончания малого таза были в шоке, возник мощный рефлекторный спазм. Этот переполненный орган изнутри со страшной силой давил на воспаленные, обожженные гноем петли кишечника, создавая дополнительный, изощренный круг пытки, от которого хотелось просто разбить голову о стену, лишь бы переключить внимание.

Валентина, моя любимая и дорогая Валя, бледная от пережитого стресса и многочасового ожидания в пробках, мертвой хваткой вцепилась в поручни моего инвалидного кресла. Её пальцы побелели от напряжения. Она видела, что я уже практически теряю связь с реальностью, что мои глаза закатываются, а лицо покрывается мертвенно-бледным оттенком. Поняв, что я не в состоянии вымолвить ни одного внятного слова, она решительно выхватила ручку у регистратора и придвинула к себе стопку бланков.

— Я всё заполню сама! Он не может говорить, неужели вы не видите, что ему плохо?! — её голос сорвался на крик, в котором смешались слезы, злость и отчаяние.

— Женщина, не кричите, у меня протокол. Пусть ставит подписи сам, иначе мы не имеем права его оформлять, — так же равнодушно ответила регистратор, даже не изменив

интонации.

Валя начала быстро, дрожащими пальцами заполнять эти бесконечные листы: согласия на медицинское вмешательство, согласия на обработку персональных данных, анкеты анамнеза, бланки ОМС. На это ушло еще минут пятнадцать — пятнадцать минут, каждая из которых забирала у меня шансы на легкое выздоровление. Когда она заканчивала очередной лист, она подсовывала мне планшет, и я, из последних сил удерживая скользкую пластиковую ручку, ставил неровные, ломаные каракули в местах для подписи. Я смотрел на эти бланки и думал: «Если я сейчас умру прямо в этом кресле, они просто аккуратнo подколот мою смерть к этой стопке бумаг и вызовут следующего».

Наконец, когда бумажный барьер был пройден, санитар лениво толкнул мое кресло вперед. Мы поехали по бесконечным, гулким коридорам СОКБ. Мимо мелькали закрытые двери кабинетов, какие-то люди в серых халатах, каталки с другими больными. Меня привезли в смотровой кабинет дежурного хирурга. Помещение было тесным, холодным, залитым резким, бьющим по глазам светом длинных люминесцентных ламп, которые противно и тихо гудели. Врач, сидевший за столом, выглядел смертельно уставшим — под глазами залегли темные круги, пальцы лениво перебирали какую-то медицинскую карту. Он даже не поднял головы, когда меня вкатили в кабинет.

— Так, что тут у нас? «Подозрение на острый живот?» —

сухо спросил он, вставая со стула и с характерным хрустом натягивая латексные резиновые перчатки. — Раздевайся до пояса. Ложись на кушетку.

Я с огромным трудом, сжав зубы до хруста и сдерживая крик, сполз с кресла и взобрался на высокую кушетку, обтянутую холодной, скользкой и противно пахнущей клеенкой. Тело била крупная, непрекращающаяся дрожь — это была защитная реакция центральной нервной системы на тяжелейшую интоксикацию, сепсис и сорокаградусную температуру. Чтобы поставить окончательный диагноз, исключить другие патологии и подтвердить скопление гнойного экссудата в малом тазу, хирург без предупреждения и лишних прелюдий провел обязательное по протоколу пальцевое исследование для проверки симптома Кулленкампа.

Как только его пальцы коснулись внутренне поврежденной, воспаленной и обожженной зоны через стенку кишки, меня словно прошило мощнейшим разрядом тока в тысячи вольт. Это была запредельная, ослепляющая боль, которая выключила все остальные ощущения. Земля ушла из-под ног, перед глазами вспыхнули миллионы белых искр. Из моего горла вырвался хриплый, страшный, нечеловеческий крик, от которого, кажется, задрожали стекла в окнах кабинета. Врач моментально выдернул руку, стянул перчатку и повернулся к медсестре, его голос наконец-то стал собранным и быстрым.

— Диагноз ясен без слов. Острый аппендицит, разлитой

перитонит в запущенной стадии. Срочно на ультразвуковое исследование для определения точных объемов свободной жидкости в брюшине и немедленно готовить операционную. «Счет идет на минуты», — отрывисто произнес он.

Меня снова, как мешок, пересадили в инвалидное кресло и на бешеной скорости повезли в кабинет ультразвуковой диагностики. Экран старого аппарата УЗИ лишь подтвердил самые худшие опасения хирургов: внутри моей брюшной полости бушевало настоящее «море». Гнойный экссудат, смешанный с продуктами воспаления, растекся повсюду. Он окутывал петли кишечника, поднимался выше к печени, заливал область селезенки и подбирался к почкам. Мой живот изнутри был затоплен смертью.

Когда меня наконец доставили в предоперационный блок, на часах было уже около восьми вечера. С того момента, как в ванной комнате разорвался отросток, и я рухнул на пол, прошло долгих, страшных и мучительных восемь часов. Восемь часов мой организм медленно, но, верно, гнил изнутри в условиях сургутских пробок и бюрократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.